

Т.Г. Архипова

(Российский государственный гуманитарный университет)

Архивная революция и документы по истории госаппарата РСФСР

в годы Великой отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Под архивной революцией подразумевается процесс рассекречивания документов, хранящихся в российских архивах. Начался этот процесс в годы перестройки, активизировался в 90-х гг. минувшего века и, по большому счету, продолжается до настоящего времени. Скорее всего, конечная дата революции будет открытой - по целому ряду причин далеко не все поддается рассекречиванию. В связи с этим термин этот стал употребляться реже.

В годы перестройки автор испытывал трудности с завершением работы над докторской диссертацией, посвященной организации и деятельности госаппарата РСФСР в годы Великой отечественной войны. Значительная доля документов этого периода исследователям не выдавалась. Как можно было составить представление о деятельности, допустим, аппарата Верховного Совета, Правительства, Госплана РСФСР и др. государственных органов «первой среди равных» в числе республик СССР? Опубликованных материалов было очень мало. Архивная революция только еще разворачивалась, а необходимые документы в читальный зал выдавались дозированно. Бывали просто трагические для меня моменты, например, с материалами Центрального статистического управления. Выписав несколько десятков единиц хранения, бегло ознакомившись с ними, я решила посвятить работе с ними следующий день. Прихожу, а документов на полке нет по причине запрета на их использование. Много лет спустя, знакомясь с ними, я поняла причину. Изначальные цифры на следующей инстанции могли существенно корректироваться. Могли они корректироваться и на самой высокой инстанции. Как вспоминал позднее ответственный работник аппарата Верховного Совета СССР Ю.А.Королев, заметив в проекте бюджета страны расхождение между доходами и расходами в 200 млн. руб.,

онотправился к министру финансов В.Ф. Гарбузову. Тот, выслушав доклад о пропаже, сказал: «Пропали так пропали. Мы сейчас отыщем» и собственноручно в подлиннике закона исправил одну цифру, добавив недостающие миллионы¹. Аналогично поступали и с отчетами.

Помог ректор РГГУ Ю.Н.Афанасьев. Будучи делегатом XIX партконференции, членом МДГ, народным депутатом СССР и РСФСР, он был знаком со многими руководителями ведомств того времени. Он подписал более десятка заготовленных мной писем с просьбой допустить меня к работе с документами их предшественников и я отправилась «в люди». Понять меня никто не мог: при чем в данном случае война, при чем какие-то документы? Кроме того, у ряда прежних наркоматов не было преемников. Иногда меня принимали чуть ли не за сумасшедшую. Здесь пригодилась моя настойчивость - ходила по кабинетам до тех пор, пока не получала нужную подпись. В Министерстве экономики РСФСР подпись мне, не без удивления, поставил один из чиновников среднего звена по фамилии М.М.Касьянов, со временем ставший главой российского Правительства. Удалось мне получить разрешение и на использование документов Верховного Совета и Совнаркома РСФСР.

С этими разрешениями я явилась в архив на Бережковской набережной. С хранителями разве что инфаркт не случился – разрешения были проверены на подлинность. Хорошо, что в архиве меня знали, а то бы всю биографию проверили через компетентные органы. Удостоверившись в подлинности разрешений, хранители «со скрипом», стали выдавать дела. И тут уже шок произошел со мной. Я была первой из исследователей, кто видел неопубликованные документы Верховного Совета и Совнаркома после передачи их в архив и соответствующей обработки. В большинстве случаев я первой заполняла лист использования дела (до меня это делали разве что сотрудники архива в целях выполнения какого-либо официального запроса). Это было таким удовольствием, что я до сих пор помню о нем.

Поскольку материалы единственной в годы войны сессии российского Верховного Совета были опубликованы, меня интересовали подготовительные материалы к ней. Из них я узнала, что в практике подготовки такого рода мероприятий были разработка подробнейшего сценария сессии, предварительное утверждение текстов выступлений, не говоря о решении всех организационных вопросов вплоть до меню и бланков так называемых заборных книжек, выделения ассигнований².

Судя по документам фонда Верховного Совета, за годы войны его Президиум собирался (в неполном составе) всего несколько раз, да и решал вопросы второстепенного характера³. Обычно несколько раз в месяц вопросы рассматривались и решались опросным путем. Это теперь мы хорошо знаем, что деятельность органа такого рода любого уровня власти носит скорее декоративный характер, а тогда я была потрясена тем, что всю работу Президиума выполнял его аппарат – секретариат. От членов Президиума не требовалось ничего, кроме согласия с очередным предложением секретариата. С 23 июня 1941 по 8 мая 1945 г. Президиум принял 1509 указов, решений, постановлений. Принимались они во исполнение или в соответствии с актами общесоюзных органов⁴. Вообще же при знакомстве со всем массивом актов высшего органа власти «первой среди равных» становится очевидной ограниченность его прав. Наверное, этим следует объяснять тот факт, что российский орган, в отличие от общесоюзного, крайне редко выходил за рамки, отведенные ему конституциями СССР и РСФСР, хотя отдельные прецеденты встречались. Вполне понятно, что условия войны диктовали необходимость засекречивания многих принимаемых актов⁵. Однако секретность просто зашкаливала. Почти все указы Президиума помечены грифом «Не для печати, «оглашению не подлежит», «секретно» и даже «сов.секретно».

Большое впечатление произвели на меня документы Комиссии по рассмотрению заявлений о помиловании при Президиуме Верховного Совета, куда в иной месяц поступало до 15 тысяч жалоб. За годы войны Президиум

утвердил 192 ее протокола⁶. К концу войны протоколы стали более многостраничными – количество дел в них возросло со ста до нескольких тысяч⁷. Мое внимание привлекло то обстоятельство, что Комиссия в отсутствие российского НКВД работала в тесном контакте с Главным управлением милиции НКВД СССР. Не менее интересными оказались документы, свидетельствующие о работе Приемной Президиума. Что побуждало граждан в условиях целого ряда ограничений, преодолев массу препятствий, добраться до Москвы и обратиться с той или иной просьбой? Это были просьбы не только о помиловании (их чаще всего отправляли в соответствующую Комиссию), а о материальной помощи, о пенсиях и пособиях, об утраченном в годы войны жилье, о прописке и т.п. Количество обращений, сократившись с началом войны, в 1945 г. превысило довоенный уровень. Это свидетельствовало об отсутствии самостоятельности местных советских органов, инициативы и боязни ответственности их работников, что было следствием господства административно-командной системы управления, к изучению которой мы тогда на кафедре только приступили.

Рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на документах Верховного Совета, его Президиума и аппарата, однако следует отметить, что тогда, около трех десятилетий назад, мне казалось, что их информационный потенциал мной использован полностью, теперь же с позиций сегодняшнего знания я так уже не думаю.

С еще большим интересом я приступила к работе с материалами Совнаркома. Лишь позднее я поняла, почему сотрудники архива внимательно наблюдали за моей работой – документы Правительства были в еще большей степени засекречены, нежели документы Верховного Совета. Мне удалось отследить все изменения в аппарате Правительства, системе правительственных учреждений, все перемещения в правительстве, познакомиться с биографиями многих его членов (о существовании некоторых из них я даже не знала)⁸. Найти что-либо подобное в литературе тех лет было невозможно. Наверное, тогда я окончательно поняла, что в моей

профессии ни с чем не сравнимое чувство первооткрывателя может родиться только в читальном зале архива. Долгие годы до этого меня привлекала фигура А.Н.Косыгина, в 1964 – 1980 гг. возглавлявшего Правительство СССР, пользующегося большой популярностью у населения. Это сейчас о Косыгине написаны монографии, опубликованы воспоминания, тогда же информация о партийно-советских деятелях давалась весьма дозированно. Здесь же я узнала, что Косыгин совмещал работу в союзном правительстве с работой в российском сначала в качестве заместителя его председателя, а потом и председателя и с его приходом работа аппарата правительства значительно улучшилась⁹.

Работа правительства в условиях войны приобрела более оперативный характер, но, как и прежде, все акты принимались им во исполнение распорядительных актов общесоюзных органов. Кроме того, к ним и постановлениям ЦК ВКП(б) добавились еще и постановления ГКО. Количество актов СНК РСФСР имело выраженную тенденцию к росту. В первую очередь это утверждение относится к распоряжениям, т.к. в отличие от постановлений, их оформление было значительно более простым – обычно они подписывались заместителем главы Правительства. В то же время разграничить вопросы, поднимаемые в тех и других, довольно трудно.

С середины октября 1941 до конца января 1942 г. аппарат СНК РСФСР находился в эвакуации в Саратове; в разных городах, причем не только в Поволжье, разместились аппараты наркоматов¹⁰. Информативность документального наследия Совнаркома и наркоматов за это время, естественно, много хуже. Нарком финансов СССР А.Г.Зверев вспоминал, как он, покидая Москву, решил заглянуть туда, где шла подготовка архива наркомата к эвакуации, стал буквально из огня выхватывать документы, уничтожаемые по его же приказу¹¹. Не лучше дела обстояли в российских структурах. В ходе эвакуации, например, были полностью утрачены довоенные документы Арбитража при СНК РСФСР. Деятельность

российского Правительства в большей степени касалась социально-экономической сферы - управление ею было централизовано не столь жестко.

С фондами большинства правительственных учреждений было значительно проще. Их, за исключением, например, некоторых документов Госплана, ЦСУ, Министерства финансов, мне удалось посмотреть до начала архивной революции. При подробном знакомстве с ними в конце 80-х – начале 90-х гг. мне удалось многое уточнить, а что-то и пересмотреть.

Получила я доступ к документам Наркомата государственного контроля. В отсутствие в республике собственных органов внутренних дел и госбезопасности он практически выполнял их функции. В то же время его работники отождествляли себя с партийным аппаратом. Не мудрено – они были резервом на выдвижение в вышестоящие государственные и партийные органы вплоть до ЦК ВКП(б). Курируя порученные им наркоматы и ведомства, выезжая на места, они осуществляли системные проверки – от технологии производства продукции до финансовой деятельности ревизуемого объекта. Нарком Н.М.Васильев на одном из заседаний коллегии рекомендовал изучать людей таким образом, чтобы знать на какую они «могут пуститься авантюру», на что «они способны», какие у них «странности»¹². Наркомат широко пользовался правом налагать взыскания, отстранять от работы, привлекать к судебной ответственности. Если бы все проекты решений по результатам проверок были бы подписаны наркомом, то, как отметил один из членов коллегии, очень скоро некому было бы делать выговор¹³. Документы этого фонда далеко не изучены.

Документы Наркомата Юстиции РСФСР не оправдали моих ожиданий - их информативность оказалась невысокой. Число подведомственных ему объектов было невелико, а централизация управления в этой сфере была огромной. Организация судов, контроль за их работой, обобщение судебной практики, улучшение показателей кадрового состава органов правосудия (они

были плачевными) и т.п. – таков перечень функций наркомата. В годы войны он принципиально не изменился.

Удалось мне познакомиться, правда, в меньшей степени, с фондами союзных министерств (меня интересовали их взаимоотношения с подведомственными им республиканскими наркоматами), фондами ЦК КПСС и партийных организаций наркоматов. Последние были особенно интересными, поскольку позволили представить атмосферу, царившую в ведомствах в условиях войны.

Тогда мне не удалось ознакомиться с материалами Наркомата иностранных дел РСФСР, зато в 1997 г. я их посмотрела беспрепятственно¹⁴, а в 2010г. точно также – Министерства путей сообщения СССР, в том числе и за годы Великой Отечественной войны¹⁵.

Архивная революция открыла не только секретные прежде источники, но и позволила по-новому посмотреть на те, что прежде были доступны.

¹ Королев Ю.А. Кремлевский советник (XX век глазами очевидцев). М., 1995. С.211.

² ГА РФ. Ф. А- 385. Оп.1. Д.644а. Лл. 3 – 5, 9 – 16, 20; Ф. А – 259. Оп. 5. Д. 3057. Лл. 1 – 2.

³ ГА РФ. Ф. А- 385. Оп.1. Д.369.

⁴ Подсчитано нами по протоколам Президиума Верховного Совета РСФСР № 13 – 17. ГА РФ. Ф. А- 385. Оп. 1. Дд. 369, 373, 383, 395, 400.

⁵ В том числе и по этой причине и по причине экономии средств деятельность издательства «Ведомостей Верховного Совета РСФСР» 8 августа 1941 г. постановлением Секретариата Президиума Верховного Совета РСФСР была приостановлена. – ГА РФ. Ф.А – 385. Оп. 1. Д. 630. Лл. 2. Изредка информация о работе Президиума Верховного Совета РСФСР публиковалась в общесоюзных «Ведомостях».

⁶ Количество подсчитано по протоколам Президиума Верховного Совета.

⁷ ГА РФ. Ф.А-385. Оп. 1. Д. 383. Лл. 1,2.

⁸ Архипова Т.Г. Высшие и центральные государственные учреждения РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (организация и основные направления деятельности). Диссертация на соискание степени д.и.н. М., 1991. Сс. 120 – 125.

⁹ Рассказывая студентам о своих любимых государственных деятелях я в первую очередь называла А.Н.Косыгина и каждый раз давала слово, что обязательно о нем напишу. Удалось мне это сделать только в 2007 г. – См.: Архипова Т.Г.Алексей Николаевич Косыгин: деятельность в годы Великой Отечественной войны.// Человек и война в XX веке: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Тольятти, 2 июня 2007 г.

¹⁰ Некоторые разместились в Томске, Омске, Тюмени, некоторые поменяли месторасположение несколько раз.

¹¹ Зверев А.Г.Записки министра. М., 1973. С.215

¹² ГА РФ. Ф.А-339. Оп. 1. Д.143. Л. 162 – 162 об.

¹³ Там же, л. 142.

¹⁴ Какими же малоинформативными они мне показались из-за скудости полномочий российского МИД. См.: Архипова Т.Г. Роль РСФСР в формировании внешней политики Союза ССР: МИД РСФСР в 1944-1991 гг.\ XX век: Власть и внешняя политика России. Материалы научно-практического семинара «Российская государственность и внешняя политика. М. 1998.

¹⁵ См.: История железнодорожного транспорта России. XIX – XXI вв. М., 2012